

РОБИН КОНРАД

13 июня 1976 года

Боксбург, Йоханнесбург, Южная Африка

Я соединила последние две линии “классиков” и вывела в верхнем квадрате большую цифру 10. Писать, сколько лет мне исполнится в следующий день рождения, было захватывающе и странно, ведь всем известно: когда добираешься до двузначной цифры — все, детство кончилось. Огрызок зеленого мела, без спроса позаимствованный из папиного набора для дартса, почти стерся, и бетон подъездной дорожки царапал пальцы, пока я наносила завершающие штрихи.

— Ну вот, готово. — Я встала и оглядела результат своих трудов. Всегдашнее разочарование: снова мое произведение вышло далеко не таким прекрасным, как я себе представляла.

— Просто чудесно! — объявила Кэт, как всегда прочитав мои мысли и пытаюсь подбодрить меня, прежде чем я в приступе самокритики сотру “классики”.

Я улыбнулась, хотя ее мнение не очень-то считалось, мою сестру-близняшку легко приводило в восторг все, что я делала.

Кэт сказала:

— Сначала ты.

— Ладно.

Я вытащила из кармана бронзовый полуцентовик, потерла монетку на удачу, положила на ноготь большого пальца и подбросила. Монета, вращаясь, описала дугу, сверкнула на солнце и, как только она упала в первую клетку, я прыгнула, твердо вознамерившись побить рекорд.

Я успела сделать три полных круга, прежде чем монетка вылетела за пределы квадрата с цифрой 4. Мне следовало выйти из игры, но я бросила быстрый взгляд на Кэт. Сестра отвлеклась на ибиса, который громко скандалил на соседской крыше. Поскорее, пока Кэт не заметила мою оплошность, я подтолкнула монетку носком тряпочной туфли на место и продолжила прыгать.

— Как хорошо у тебя получается, — подала голос Кэт через несколько секунд, когда нагляделась на птицу и обнаружила, как я продвинулась.

Пришпоренная ее аплодисментами и подбадриваниями, я запрыгала быстрее — и не заметила вовремя, что шнурок на одной туфле развязался. На последней клетке я наступила на него и с размаху упала, ободрав коленку о шершавый бетон. Я завопила, сначала от испуга, потом от боли; именно этот звук привел каблуки маминых боножек в поле моего зрения. На меня упала тень матери.

— О господи. Опять! — Мать нагнулась и рывком поставила меня на ноги. — Ну в кого ты такая неуклюжая!

Я приподняла окровавленное колено. Мать, увидев его, поцокала языком.

Кэт скорчилась рядом со мной, уставившись на мелкие камешки, торчавшие из ранки, и дрожала. На глазах начали закипать слезы, но я знала, что не должна плакать, если не хочу вызвать неудовольствие матери.

— Я нормально. Все нормально. — Я выдавила слабую улыбку и осторожно выпрямилась.

— Ро-обин, — вздохнула мать. — Ты ведь не станешь плакать? Сама знаешь, какая ты некрасивая, когда

плачешь. — Она скосила глаза к носу и комически скривилась, иллюстрируя свои слова.

Я выдавила смешок, чего ей и хотелось.

— Не стану, — пообещала я.

Плакать на подъездной дорожке, на глазах у соседей, было бы непростительно. Мою мать очень заботило чужое мнение, предполагалось, что оно должно заботить и меня.

— Молодец. — Мать улыбнулась и поцеловала меня в макушку — награда за храбрость.

Насладиться наградой мне не удалось. Утро прорезал телефонный звонок, и этот последний момент нежности оборвался. Мать моргнула, и ласка в ее глазах сменилась раздражением.

— Пусть Мэйбл тебя отчистит, хорошо?

Едва она скрылась на кухне, как рядом раздалось подозрительное поскуливание; и точно — Кэт плакала, присев на корточки. Смотреть на сестру для меня всегда было все равно что смотреться в зеркало, но сейчас мне показалось, что стекло между моим отражением и мной исчезло и я смотрю не на свое изображение, я смотрю на себя.

Страдание, перекосившее лицо Кэт, было моим страданием. Ее голубые глаза налились моими слезами, пухлая верхняя губа дрожала. Любому, кто сомневался в существовании особой связи между близнецами, достаточно было бы увидеть, как моя сестра страдает из-за меня, чтобы уверовать в эту связь навсегда.

— Не плачь, — прошипела я. — Хочешь, чтобы мама обозвала тебя плаксой?

— Но тебе же больно!

Ах, если бы и мама это понимала!

— Давай в нашу комнату, чтобы мама тебя не увидела, — сказала я. — Выйдешь, когда полегчает. — Я заправила ей за ухо каштановую прядь.

Кэт шмыгнула носом, кивнула и, опустив голову, поспешно скрылась в доме. Я вошла минутой позже; наша

служанка Мэйбл мыла на кухне посуду после завтрака. На Мэйбл была выгоревшая мятно-зеленая униформа (комбинезон, в котором ее пышному телу было тесно — ткань между пуговицами на груди натянулась), белый фартук и *doek*¹.

В столовой мать болтала по телефону тем беззаботным, радостным голосом, который приберегала специально для своей сестры Эдит. Я не стала лезть к ней, зная, что если попрошу разрешения поговорить с тетей, мне скажут или чтобы я не вмешивалась в разговоры взрослых, или что мне чересчур нравится звук собственного голоса и стоит быть поскромнее.

— Смотри, Мэйбл, — сказала я, поднимая колени и радуясь, что в это воскресенье у нее не выходной.

Мэйбл дернулась, увидев кровь, ее руки взметнулись ко рту, отчего мыльная пена полетела во все стороны.

— *Yoh! Yoh! Yoh!* Бедняжка! Такая бедняжка! — запричитала она, словно была причиной моих страданий.

Для меня эта литания была целебнее всех пластырей мира и бальзамов, немедленно наложенных на мои раны.

— Сядь. Мне надо посмотреть. — Мэйбл опустилась на колени и, морщась, осмотрела ссадину. — Я схожу за аптечкой. — Она произнесла *аптешкой*, у нее был сильный акцент.

Слово доставило мне огромное наслаждение — мне вообще доставлял наслаждение английский “от Мэйбл”. Мне нравилось, что у нее обычные слова звучат будто на каком-то другом языке, и мне хотелось знать, так же ли говорят ее дети (которых я никогда не видела, но знала, что они круглый год живут в Кваква²).

1 Платок (*нидерл., африкаанс*).

2 Бантустан (резервация для чернокожего населения во времена апартеида, формально они даже считались независимыми) на юго-востоке Оранжевой провинции, ЮАР. Название Кваква означает “белее белого” — из-за цвета холмов. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

Мэйбл принесла аптечку из судомойни, снова опустилась на колени и коснулась ссадины, комок ваты казался особенно белым на фоне ее коричневой кожи. Пропитав вату оранжевым дезинфицирующим раствором, Мэйбл принялась осторожно прижимать ее к ране, бормоча утешения, когда я пыталась отстраниться от жгучей ватки.

— Бедняжка! *You*, такая бедняжка, да? Я почти закончила. Все, уже все. Ты храбрая девочка. *Харабрая девошка*.

Я нежилась в ее внимании, смотрела, как она дует на мое колено, и удивлялась, как волшеббно целительно ее щекотное дыхание. Убедившись, что ободранная коленка обработана, Мэйбл налепила на рану огромный пластырь и ущипнула меня за щеку.

— Чмок-чмок. — И она, вытянув губы, несколько раз поцеловала меня. Я задержала дыхание, пытаюсь понять, не сегодня ли мне наконец достанется поцелуй в губы. Ее рот прошелся по моему подбородку, после чего она снова поцеловала меня в лоб. — Все, вылечили!

— Спасибо! — Я быстро обняла ее и выскочила из кухни.

Когда я выходила из задней двери, меня окликнул отец:

— Конопатик! — Он сидел в шезлонге возле переносного *braai*¹, стоявшего в ярком пятне солнечного света посреди бурого газона. — Принеси-ка своему старику пива.

Я снова нырнула в дом, открыла холодильник и вытащила бутылку “Касл-Лагера”. Бутылку я открыла неумело, отчего на линолеум брызнула пена, но вытирать пол я не стала. Мэйбл цыкнула мне вслед, но я знала, что она безропотно вытрет лужу.

— Вот, держи. — Я подала отцу исходящую пеной бутылку, и он тут же плеснул из нее на пробившееся за бортик гриля пламя.

1 Гриль (африкаанс).